[Степан, Григорий и Елена Прекрасная]

В некотором царстве, в некотором государстве — именно в том, в котором мы живём — против неба на земле, на ровном месте, как на бороне, жил-был старик со старухой. У них был сын; его звали Алексеем. Когда он вырос, то у него отец помер. Вот он матери и стал говорить: «Мамонька, пусти меня, я пойду счастье искать!» — Он пошел.

Идёт лесом. И попадается ему изба новая. Заходит он в эту избу и останавливается ночевать. Видит ночью: выходит из западни верблюд, весь медный; потом он постоял, постоял и ушел. И через несколько время выходит сохатый, весь серебряный; этот сохатый постоял, постоял и ушел тоже самое. Через несколько времени выходит медведь, весь золотой; постоял, постоял, тоже ушел.

Он думает: «Что, — говорит, — это мне видение? Или на самом деле счастье мое?» — Приходит домой и говорит матери: «Вот, мама, я видел, — говорит, — во сне такие-то сны. Первый, — говорит, — сон: верблюд, — говорит, — весь медный, — говорит. — Второй, — говорит, — сон: сохатый весь серебряный. А третий сон видел: медведь весь, — говорит, — золотой». — Вот мать ему и говорит: «Ну, верно, — говорит, — ваш сон обещает ваше богатство».

От них неподалёку в городе жил ворожец. И вот она его посылает к ворожцу этому ворожить. Он поехал под вечерок и переехать не успел дорогу. И остановился у одной старушки переночевать. Эта старушка старая; у ней внучок был лет так 13-ти. Внучок и говорит: «Ты, — говорит, — куда, молодец удалый?» — «Я, — говорит, — поехал ворожить; вот такие-то сны видел: первый сон — верблюд весь медный, второй сон — сохатый весь серебряный, а третий сон, — говорит, — медведь весь золотой».

Этот мальчуган ему и говорит: «Ты, — говорит, — приедешь ворожить, тебе этот ворожец выворожит; и ты ему отдавай, — говорит, — первое счастье, а он у вас будет просить последнее счастье».

Вот он приехал к этому ворожцу. Ворожец ему выворожил, что «это, — говорит, — твое счастье! Когда приедешь домой, иди в эту избушку ночевать. На́ вот, я тебе дам палочку — бей этой палочкой наотмашку».

Приехал домой и пошел он ночевать в эту избушку. Спит. И выходит первый верблюд, весь медный. Понужнул он его наотмашку, верблюд весь рассыпался. Второй выходит сохатый; он этого понужнул, и этот рассыпался. Третий входит медведь, весь золотой; этот медведя понужнул, он рассыпался.

И вот он не велел до него брать — докуль этот ворожец не приедет к нему. Ворожец к нему приезжает: «Я тебе, — говорит, — выворожил! Сейчас, — говорит, — мое будет третье счастье!» — Степан (?Алексей) ему говорит: «Нет, — говорит, — ваше будет первое счастье, потому что вы выворожили». — И тот взял первое счастье.

Поехал домой и заехал как раз к этой старушке. И спрашивает старушку: «Ты, — говорит, — что, одна, старушка, живешь? Или сыновья есть?» — «У меня, — говорит, — сыновей нет. Внучок, — говорит, — есть; ушел на реку по ниточке глядечя». — Он и спрашивает: «Это что, — говорит, — такое: по ниточке в воду глядечя?.. Ты, — говорит, — продай мне этого внучка!» — Старушка: «Покупай!» — говорит. — «А сколь, — говорит, — за него возьмешь?» — «А вот, — говорит, — завали всего по ногам деньгами, тогда я отдам его».

Вот он его заваливал деньгами и завалил по грудям. Он и спрашивает: «Чё, — говорит, — бабушка, будет тебе этого на век или нет?» — говорит. — «О! — говорит, — дитятко, тебе, — говорит, — на век не прожить! Не то ли мне! Мне, старушке, много ли надо?» — «Ну, — говорит (внучек), — бабушка, сейчас до свидания! Мне с тобой не видаться: я знаю, что он меня далёко увезёт».

Ну, он его увез к себе. И спрашивает отца: «Куда мы этого мальчика станем девать?» — Отец говорит: «В конюхи!» — Он живёт в конюхах. Ему приезжают, к этому ворожцу, ворожить. Он (мальчик) вперед им рассказывать: «Делайте так-то!» И он (ворожец) узнал, что ему доходу мало через этого мальчика. Тогда он отцу стал жаловаться, что через этого мальчика ему доходу нет.

Тогда он велел его посадить в столбец. Его заклали в столбец и давали через два дня в третий пищи, чтобы он, значит, не помер.

Этой стало жалко, ихной дочери; она стала ему понашивать (днем там, все уйдут). Ходила туда, ходила, потом велела сделать туда подход под столбец, чтобы он ночью имел свободу. Вот он днем сидит, а ночью выходит

на волю, к ворожцу во дворец. Ну когда выйдет, они попьют чайку, и он опять ко дню убирается в столбец.

Этот ворожец, привёз который его, он поехал сватать Елену Прекрасную, в другое царство. Когда уехал, он ночью вышел (из столбца); чай пили, она ему стала рассказывать: «Вот, — говорит, — мой брат уехал в другое царство сватать себе невесту». Он и говорит: «Ему живому оттоль не приехать! Там, — говорит, — кругом каменная стена, на стене тын, на этом тыну все головы человечьи сидят; на одной тынинке нет — тут его голова будет».

Тогда сестре жалко сделалось своего брата. Стала его просить: «Пособи, — говорит, — ему!»

Он на следующую ночь велел ей припасти коня, седло, как следует все обседлать, и несколько там денег. И вот, он вышел ночью, она привела ему коня; он и поехал на этом коне. И достиг его доро́гой.

Он его стал спрашивать: «Куда, — говорит, — молодец удалой, едете?» — «Я, — говорит, — еду вот в такое-то царство, сватать, — говорит, — Елену Прекрасную... А вы, — говорит, — куда проезжаете?» — «Да я, — говорит, — в тот же город еду». — «Дак поедемте, — говорит, — вместе!» — И они стали путь держать вместе.

И тогда они один другого стали спрашивать: «Тебя как зовут?» — «Степаном». — «А вас, — говорит, — как?» — «А меня зовут Григорьем». — Приехали они в тот город, в который им нужно было, и стали на постоялый двор; и взяли тут особую комнату: «Тут все-таки жить, — говорит, — придется дивно времени!»

Когда ночью легли спать Григорий и Степан, то Степан обвернулся мухой и полетел искать, где на эту Елену Прекрасную шьют платье разное. Ну, разузнал эти платья, где их шьют. Утром встают, и говорит Григорию: «Айда, — говорит, — Григорий, иди ко своей невестке! Что, — говорит, — там скажут?»

Приходит он к невесте. Она ему и говорит: «Вот вы, — говорит, — мне спервоначала сшейте сарафан некроёный и нерезаный!» — говорит. — Он пришел и говорит Степану: «Вот, — говорит, — Степан, она велела сшить мне сарафан — некроёный и нерезаный». — «Сейчас, — говорит, — ложись, спи; завтра будет все готово!»

Он ночьёй обвернулся мухой и полетел в то место, где эти сарафаны шьют. Прилетел; они и говорят: «Ну, — говорит, — насилу сшили на неё на паршивую!» — «Сшили,— говорит (Степан), — так сшейте другой!» Сам забирает и уходит.

«Это что, — говорит, — за чудо?» — «Это, — говорит, — не чудо! Чудо будет впереди, на той неделе в середе!» — Утром встает Григорий; платье готово; несет невесте.

Невеста приняла и говорит ему: «Вы, — говорит, — еще сшейте мне туфли нерезаны и некроёны!» — Григорий пришел, опять закручинился. — «Вот, — говорит, — она какую работу мне дала!» — «Это, — говорит, — ничего! Ложись спать: утром все будет готово!» — Григорий лег спать, а он извернулся мухой, полетел искать, где эти туфли шьют. — «Ну, — говорит, — опять насилу сшили на неё на паршивую! Неможно, — говорит, — утра́фить!» Он им и говорит: «Сшили, так спасибо! Сшейте другие!»

Приносит туфли. И она говорит: «Вот, — говорит, — еще работу на тебя наложу: изладь, — говорит, — мне цветы такие же, какие и у меня будут!» — Он ушел домой. — «Ложись спать: утром все будет готово!»

«Ну, я, — говорит (Степан), — сё дни улетаю ночью!» — Полетал, полетал, ничего не мог найти. И говорит: «Иди сёдни, проси у ней освобождения на два дня через два дня сроку!» Он сходил. Она и говорит: «Через два дня если вы не принесёте, то голова на этой тынине будет!»

Он тогда отправляется и говорит: «Сёднишную ночь нисколько не спи! На вот тебе!» Стакан воды налил и в стакан нож спустил. «Только, — говорит, — на этом ноже появится кровь на острие, ты, — говорит, — у себя чего-нибудь режь!»

Он обвертывается мухой и летит прямо к царевне во дворец. Там уже подана тройка лошадей для неё: она ехать собралась к дедушке за этими цветами, которые ей нужно для свадьбы. Когда же поехала, то он сел к ней на колени. Она и говорит своей кухарочке: «Что же, — говорит, — мне очень тяжело? Разве я чаю, — говорит, — напилась лишка сегодня?» — Он переменился, сел к кухарке к этой; и та дорогой стала говорить: «Мне тоже, — говорит, — чего-то тяжело: наверно, — говорит, — мы лишка чаю попили с тобой!»

Ехали, приезжают к морю. Море раздвоилось. Они заходят; он сидит у них под платьем, чтобы не видать было его.

Когда заходили они к дедушке к этому, дедушка им и говорит: «У вас, — говорит, — русский дух есть!» — «Мы, — говорит, — по Руси ездили, вот от нас и пахнет русским духом!»

Он поставил самоварчик для них; те стали чай кушать. Когда этот чай кушали, он возьмёт да у невестки блюдко и вышибёт; оно упадёт да изломается. — «Я, — говорит, — дедушка, набеди́ла: блюдко, — говорит, — изломала!» — «Ничего, — говорит, — дитя! Там, — говорит, — еще есть!» — Другое блюдко принесли.

Когда чаю покушали, он для них приготовил обед. Во время обеда он (дедушка) им положил золотую ложечку и вилочку; он (Степан) эту ложечку и вилочку в карман к себе. Она и говорит: «Вы, — говорит, — дедушка, — забыли мне положить ложечку и вилочку!» — «Ну, извините!»

Когда отобедали, им отправляться надо. — «Я, — говорит, — дедушка, приехала к тебе за золотыми волосками». (У него золотая голова вся.) — «Я просватаюсь», — говорит. — «Ну, потереби немного! Только, — говорит, — легонько!» — Она по одному волоску теребит, а он (Степан) по два да по четыре захватывает. Старик этот ревёт: «Больно!» — говорит. — И так надергал он (Степан) целую пачку (она — немного) и в карман положил. Ну, когда пошли, он (дедушка) и говорит: «У вас, — говорит, — русский дух есть!»

Когда из моря стали выходить, у него (Степана) и показалась нога одна. — Григорий уснул; не так, что на вострее, на всём ноже уже появилась кровь. — «Ну, — говорит (дедушка), — с вами какой-то человек был! Мне, — говорит, — больше с вами не видаться!»

Она приехала домой. Он (Степан) пришел к Григорью: «Пощё же ты спишь? Сейчас нам обоим смерть!.. Ну, — говорит, — ничего! Быть может, изладим!.. Давай, — говорит, — ложись, спи до утра, а утром иди к невесте, неси цветы!»

Он (Григорий) когда понес эти цветы утром, он (Степан) сел на коня, из городу угнал, чтобы его не видно было больше.

Когда (Григорий) пришел к невесте, подал эти цветы, она и говорит: «Давайте, звоните во все колокола! Всех, — говорит, — в городе смотрите! Наверно, — говорит, — этот человек есть, который эти цветы доступил! — говорит. — Он, — говорит, — не сам доступал эти цветы!» — Собрался весь народ, обыскали — никого не могли найти.

Ну, она и говорит: «Ну, сейчас, — говорит, — я должна за тебя выйти!» — Тогда повенчались и поехали домой. А тот (Степан) вперед их приехал, опять сел в столбец. — Они думали, что он (Степан) все время в столбце сидел. — Приехали, живут.

Один раз он (Степан) ночью вышел к сестре Григория, как раз сноха тут и пришла. Эта Елена Прекрасная и стала говорить: «Кто же меня сюда доступил?» — Он и говорит ей: «Это, — говорит, — я доступал!» — говорит. — «Разве, — говорит, — вы?.. Так для чего вы старались, не для себя?»

«Вот, — говорит (Степан), — первая примета: помнишь, как вы чай пили — блюдечко сломали?.. Это я самый его и вышиб! А вторая, — говорит, — примета та: вот ваша золотая ложечка и вилочка! Вы потеряли на обеде у дедушки. А третья примета: вы когда золотые волоски дергали из головы, я тогда целую пачку нарвал: извольте посмотреть!»

Она и говорит: «Вы, — говорит, — должны моим мужем быть, а не он!»

Тогда она сказала своему Григорию, и они его из столбца выпустили. И вот он обвенчался с Настасьей, с сестрой Григория.

Живут-поживают, добра наживают. Я там был, мёд пил — по устам текло, в рот не попало.

(Зап. Зелениным от В. Е. Черных)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "Вещий сон".